

А. Е. Новиков
(г. Череповец)

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ ОДНОГО ШМЕЛЕВСКОГО РАССКАЗА

Рассказ И. С. Шмелева «Два Ивана» был написан в первые годы пребывания писателя за границей, в мае 1924 года, и в июне этого же года опубликован в берлинской газете «Руль» (впоследствии рассказ вошел в книгу «Про одну старуху. Новые рассказы о России», изданную в Париже в 1927 году).

Рассказ «Два Ивана» создавался почти сразу после окончания одного из самых трагически проникновенных произведений Шмелева эмигрантского периода — повести-эпопеи «Солнце мертвых» (1923) — и, безусловно, должен восприниматься в ее контексте. В «Солнце мертвых» повествуется о времени страшного разгула красного революционного террора на территории Крыма в 1920–1922 гг., приведшего к колоссальным человеческим жертвам (по официальным данным погибло 58 тысяч человек, по неофициальным — в два раза больше*¹). Среди погибших был, как известно, и сын Шмелева, Сергей, офицер Добровольческой армии, не пожелавший уехать за границу вместе с врангелевцами и расстрелянный без суда и следствия.

В «Двух Иванах» Шмелева описываются события, происходившие в Крыму несколько ранее — в 1917–1920 гг., в годы революции и гражданской войны. Но описываются они взглядом человека, пережившего уже все ужасы последовавшего затем кровавого террора и чудом оставшегося в живых. Именно это в значительной степени и предопределило, по-видимому, и особый — памфлетный характер рассказа, примыкающего в этом отношении и к другим произведениям Шмелева указанного периода — рассказам-памфлетам «Каменный век», «На пеньках», «Про старуху»...

В рассказе «Два Ивана» своеобразному ироническому, памфлетно-пародийному переосмыслению подвергаются идеи, господствовавшие в среде демократически настроенной интеллигенции второй половины XIX–начала XX века и получившие яркое воплощение в творчестве Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского и других писателей-демократов. Это мысль о безмерных страданиях русского народа (вспомним некрасовское: «Назови мне такую обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал?»*²) и мысль о неизбежности грядущего

освобождения русского народа, который «вынесет все — и широкую, ясную/ Грудью дорогу проложит себе...»^{*3}

У рассказа Шмелева «Два Ивана» есть подзаголовок: «История», имеющий, на наш взгляд, двойной смысл. С одной стороны, он указывает на реальность изображаемых в рассказе событий. С другой — подчеркивает, что в центре внимания автора история жизни или судьба двух героев — «Двух Иванов», прошедших через испытания революционных лет. Это простой рабочий человек, дрогаль (т. е. извозчик) Иван, которого «занесло <...> к морю из-под Рязани»^{*4} (в рассказе он является своего рода олицетворением угнетенного русского народа), и учитель Иван Степаныч, неожиданно получивший место... в городке у моря» и «попавший в Крым прямо из костромской глуши» (Шмелев И. С., С. 183)^{*4}. Он — типичный демократически настроенный интеллигент — разночинец, верящий в духовные силы русского народа, в необходимость его просвещения и неизбежность освобождения из-под тяжкого гнета. Один из «сеятелей знания на ниву народную»^{*5} «с доброй народнической закваской» (Шмелев И. С. С. 183)^{*4}, к которым некогда Некрасов в известных своих стихах обращался с призывом:

«Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...»^{*6}

По выражению Шмелева, «он был мечтателен» (Шмелев И. С. С. 183)^{*4}. Мечтания же Ивана Степаныча вырастали исключительно на народно-демократической почве, с которой были связаны его идеалы. «На полочке у него стояли Короленко и Глеб Успенский, — указывает автор, — висели в рамочке Некрасов и Златовратский» (там же). (Как видим, круг интересов Ивана Степаныча достаточно характерен: Н. Н. Златовратский и Г. И. Успенский — известные представители так называемого «литературного народничества», В. Г. Короленко — признанный писатель демократического толка, наконец, Н. А. Некрасов, роль которого в развитии революционного движения широко известна...) Цитируем далее: «Он читал «Русские ведомости» (газета либерального толка, в которой печатались его кумиры — В. Г. Короленко и Г. И. Успенский — А. Н.), — раз даже напечатали там его заметку о хрестоматии для татар, — и, выпив на именинах стаканчик красного, с чувством подтягивал, пощипывая бородку: «Выдь на Волгу... чей стон раздастся?...» А когда шел ночью домой и глядел на звезды, в нем кипели горячие чувства к народу и человечеству. Вспышки далекого маяка

за кипящим морем вызвали любимое: «А все-таки впереди... огни!»^{*7}. В это он свято верил» (там же).

Так выявляются два основных мотива рассказа Шмелева, связанных с творчеством писателей-демократов. Обращение к некрасовскому стихотворению «Размышления у парадного подъезда» помогает ввести в повествование мотив о тяжелых страданиях трудового народа. Любимые же строчки Ивана Степаныча — «А все-таки впереди... огни!» — восходят к стихотворению в прозе В. Г. Короленко «Огоньки», в котором в аллегорической форме показывается, как, несмотря на все трудности, в душе автора сохраняется вера в общественные перемены, в светлое будущее народа. В сущности, эти строки являются вариантом уже упоминавшегося нами некрасовского: «Вынесет все — и широкую, ясную/Грудью дорогу проложит себе...»^{*8}

В дальнейшем Шмелев показывает, как идеи Ивана Степаныча, его самые задушевные мечты, выраженные в указанных фрагментах произведений Некрасова и Короленко, сталкиваются с действительностью и терпят полный крах. Сам же Иван Степаныч умирает, растратив последние силы и здоровье в поденной работе ради куска хлеба на тех, за освобождение которых так страстно боролся... При этом исповедовавшиеся им революционно-демократические идеи, усвоенные не без помощи известных писателей-демократов, подвергаются ироническому, памфлетно-пародийному переосмыслению. Так, выступая с докладами на различных собраниях, Иван Степаныч использует своеобразную смесь газетных лозунгов-штампов («...Мы можем почитать себя счастливейшими людьми! Поколение наше попало в наисчастливейший период русской истории!..» (Шмелев И. С. С. 187)^{*4} и т. д.) и возвышенно поэтических образов, восходящих к творчеству Короленко и других писателей. Все это было далеко от действительных нужд его слушателей и вызывало у них ироническую реакцию. Например, в лазарете перед солдатами он закончил свою речь «заветным призывом — «подняться к звездам»» (там же), но «его перебили смехом: «А не сорвешься?!...»» (там же).

В целом образ учителя Ивана Степаныча не только строится на художественно переосмысленных автором реалиях (прообразах) действительности^{*9} и воплощает, по существу, типичные черты русского интеллигента-народника конца XIX—начала XX века, но и соотносится с определенной литературной традицией (например, явно напоминает некоторые черты облика Степана Трофимовича Верховенского из «Бесов» Ф. М. Достоевского), а также несет в себе и элементы автобиографизма...^{*10}

Полной противоположностью Ивана Степаныча в рассказе является другой Иван-дрогадь. Практичный, прижимистый, расчетливый, он любые жизненные обстоятельства стремится использовать с выгодой для себя... Иван Степаныч мечтал о счастье народном, а «народ» (в лице дрогаля Ивана и других ему подобных) — о собственной корысти, о том, как бы побольше получить материальных благ на несчастьях войны и передрягах революционной смуты.

Дрогадь Иван тоже проявляет активность в дни революционного предела общества. Выступает на собраниях. Но говорит он о другом, по-своему трансформируя высказывания Ивана Степаныча и призывая «делиться по-братски и на каждое дите чтобы...» (Шмелев И. С. С. 187)*⁴. В результате он зажил на широкую ногу: заимел трех коров, четырех лошадей, кур, овец, свиней... Разжились и другие, призывавшие к братскому дележу.

Но недолго роскошествовал Иван-дрогадь: коней загоняли во время исполнения повинности, один умер под комиссаром; «двух коров комиссары взяли, третью свои воры зарезали... Курей покрали, поросенка солдаты унесли, другого собаки порвали...» (Шмелев И. С. С. 192)*⁴. Правда, во всех своих бедах Иван обвинял прежде всего Ивана Степаныча, который всех «обучал, головы морочил» (Шмелев И. С. С. 193)*⁴.

В образе дрогаля Ивана мы видим фактически новое осмысление Шмелевым темы «маленького человека» в условиях революционных событий. Но если в известном герое одного из ранних шмелевских рассказов — гражданине Уклейкине — революция 1905 года пробуждает «то светлое и доброе, что всегда есть в душе»*¹¹, то в дрогаде Иване просыпаются лишь хищнические приобретательские инстинкты...

В соответствии с законами жанра сюжетная интрига в рассказе развивается динамично, стремительно. Шмелев, являясь признанным мастером «малой формы»*¹² все в «Двух Иванах» подчиняет раскрытию главной коллизии рассказа, художественному выявлению его смысловой доминанты.

В этом смысле особенно важное значение имеет концовка рассказа. Разыскивая пропавшую корову, дьякон натывается на лежащего в дорожной пыли полуживого Ивана Степаныча. Вместе с сыном впрягшись в тележку, уже глухой ночью дьякон доставляет учителя к школе. Но спасти Ивана Степаныча это уже не могло... Тем не менее, этот завершающий эпизод произведения, безусловно, приобретает символически-обобщающее звучание и способствует разрешению главной смысловой проблемы рассказа.

Автор, на наш взгляд, стремится подчеркнуть, что не абстрактно-сентиментальная любовь «к народу и человечеству» (Шмелев И. С. С. 183)*⁴, оборачивающаяся на деле, как правило, неисчислимыми жертвами; не стремление к достижению материального благополучия, построенного зачастую на несчастьях других, а действенная любовь к ближнему и непрерывное, незаметное христианское делание спасительны для общества.

Примечания

*¹ См.: Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М.: Провещение, 1995. С. 245.

*² Некрасов Н. А. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1989. С. 88.

*³ Там же. С. 130.

*⁴ Шмелев И. С. Пути небесные. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1991. С. 184. Далее ссылки на это издание, с указанием автора и страницы данного сборника, даются непосредственно в тексте. — А. Н.

*⁵ Некрасов Н. А. Избранные сочинения... С. 225.

*⁶ Там же.

*⁷ Иван Степанович не совсем точно цитирует стихотворение в прозе В. Г. Короленко «Огоньки». У Короленко эти строки звучат так: «Но все-таки... все-таки впереди — огни!» (Короленко В. Г. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1983. С. 350).

*⁸ Некрасов Н. А. Избранные сочинения... С. 130.

*⁹ В частности, у образа Ивана Степаныча имеется реальный прототип — учитель начальных классов Тихомировской школы г. Алушты — Степан Иванович Козлов (См.: Попова Л. Н. Алуштинские прототипы произведений И. С. Шмелева // Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские Международные Шмелевские чтения. Материалы научной конференции. Алушта, 1997. С. 103–104).

*¹⁰ В своей автобиографии, например, И. С. Шмелев указывает на важную роль Короленко и Успенского в формировании его духовного облика (См.: Русская литература, 1973, №4. С. 145. Указывается по: Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М., 1995. С. 238).

*¹¹ Смирнова М. Г. Пути земные // Шмелев И. С. Пути небесные: Избранные произведения. М.: Сов. писатель, 1991. С. 6.

Summary

The problems of content and form in Schmelyov's story «Dwa Iwana» are analysed by Al. Yev. Novikov (Russia, Cherepovets) in his report «About the artistic originality of one of Schmelyov's short stories». The tale describes the revolutionary events in the Crimea of 1917–1920 years. The main hero of this story is a teacher — Ivan Stepanovich, a typical representative of intellectual raznochinets, who believes in spiritual forces of Russian people, in inevitability of their freedom. But the end of the life of this Russian intelligent was sad: he was overwhelmed by the reality and those forces, in good purpose of which he believed piously. The image of Ivan Stepanovich includes some elements of pamphlet parody and resembles other heroes of Russian literature, for example, Stepan Trofimovich Verkhovenskii from Dostoyevski's «Besy». It also carries some of his autobiographic traits.